

Жун Чэньцзюнь с малых лет отличался умом. Когда его избивали, он бежал напрямик в полицейский участок. Оказавшись в больнице, мальчик, пусть и не доверяя осматривавшему его врачу, всё же сумел тайком припрятать медицинские заключения о побоях.

В детстве в его сердце ещё теплилась робкая надежда. Замкнутый в своём маленьком мирке и враждебно настроенный ко всему внешнему окружению, он тогда не понимал, что слова доктора были чистой правдой. Осознание пришло позже, и тогда он спрятал улики ещё надёжнее. Реши он тогда засудить приёмных родителей — дело выиграл бы без труда.

Опекунам всерьёз грозила тюрьма. Поняв, чем пахнет дело, они не на шутку перепугались и без лишних споров согласились отказаться от родительских прав. Жун Чэньцзюнь поначалу действительно хотел закатать их за решётку.

Однако в те дни он находился под прицелом прессы. Каждое его слово, каждый жест смаковались общественностью. Ради репутации компании Жун Чэньцзюнь пошёл на мировую и подписал соглашение о примирении сторон, позволив чете избежать реального срока.

Впрочем, у него были свои далеко идущие планы. Он даже пообещал выплачивать им по пятьдесят тысяч юаней ежемесячно на содержание — с единственным условием: никогда больше не появляться в его жизни.

Тогда они охотно согласились и действительно на время притихли. Но шли годы. Видя, что Жун Чэньцзюнь исправно переводит деньги, вымогатели обнаглели. Начались бесконечные звонки с угрозами и отборной бранью: они требовали увеличить сумму, грозя устроить скандал в прессе.

Они вели себя так, будто им плевать даже на тюрьму: нищета, мол, всё равно хуже неволи. Гололопым терять нечего. Жун Чэньцзюнь дорожил репутацией, а им терять лицо было не привыкать.

Жун Чэньцзюнь не был бесхребетным слабаком — он каждый раз осаживал их так, что те затыкались, но в итоге всё равно перечислял средства.

Дело было вовсе не в остатках сыновней нежности. Его сердце давно превратилось в ледышку, и эти люди не могли ранить его душу, однако глухая ярость и презрение никуда не делись.

Просто отпускать их с миром он не собирался. Жун Чэньцзюнь хотел, чтобы они на собственной шкуре, медленно и мучительно, прочувствовали всё то, через что заставили пройти его самого.

Пока общество пристально следило за ним, действовать открыто было нельзя. Регулярные переводы усыпляли бдительность зевак. Жун Чэньцзюнь выжидал момент, когда все окончательно потеряют интерес, чтобы нанести сокрушительный удар.

По плану месть должна была свершиться года через четыре или пять. К тому времени за ним окончательно закрепился бы образ благородного человека, платящего добром за зло. И случись с его «родителями» несчастье, никто бы и не подумал на Жун Чэньцзюня.

Но теперь всё изменилось. В его жизни появился малыш.

Своё тёмное прошлое Жун Чэньцзюнь никогда не считал позором. Скорее наоборот — он был благодарен тем годам за то, что они закалили его характер, вытравив любую слабость и жалость.

Но когда приёмная мать вылила на него ушат помоев прямо при маленьком Даньдане, он готов был сквозь землю провалиться от стыда.

Стоит ли вообще ждать эти несчастные пять лет?

Семейка испытывала его терпение раз за разом. Хватит с них потакания. На самом деле почва уже подготовлена, пора переходить к решительным действиям.

До этого момента его сдерживала лишь брезгливость — не хотелось марать руки о подобную грязь.

Однако по-хорошему они не понимали. Несколько лет сытой жизни лишь раззадорили их аппетиты, превратив в обнаглевших, потерявших всякие берега паразитов.

И самое главное — они осквернили слух Даньдана своими грязными помоями.

Именно это переполнило чашу терпения и заставило Жун Чэньцзюня принять окончательное решение.

Подобные мысли уже посещали его, когда Ян Фэй пытался ломиться к нему в дом. Но рядом с малышом было так тепло и спокойно, что жестокие планы постепенно отошли на второй план. И вот сегодня на пороге нарисовалась Сюй Цинь.

Из-за неё он потерял контроль над собой и чуть было не раздавил малютку в кулаке. Такого Жун Чэньцзюнь простить не мог.

Безопасность и покой этого крохотного существа стали для него главным приоритетом.

Конечно, он никогда не расскажет Даньданю о грядущей расправе. Малышу незачем забивать голову чужой гнилью. Пусть просто знает, что эти люди — негодяи, а подробности ему ни к чему.

И Даньданы тоже понимал: всё гораздо сложнее, чем кажется. Ему хватило ядовитых выкриков этой женщины, чтобы осознать, сколько боли пришлось пережить Жун Чэньцзюню в детстве.

Маленький дух так и кипел от праведного гнева. Он искренне жалел, что поскупился и не влепил этой мерзавке ещё парочку проклятий неудачи, чтобы та вообще до дома не дошла!

— Жун-жун, прости меня... — виновато пропищал он.

Жун Чэньцзюнь удивлённо приподнял бровь:

— За что ты извиняешься, Даньданы?

— Я не знал, что она такая злая. Если бы знал, то закидал бы её протухшими яйцами по самую макушку!

Жун Чэньцзюнь невольно улыбнулся:

— И много у тебя этих протухших яиц, чтобы разбрасываться ими?

Малыш с гордостью похлопал себя по пузику:

— Аж целых восемь штук! Каждый раз, когда я поглощаю лунную эссенцию, у меня появляется одно протухшее яйцо. Я все их надёжно припрятал под скорлупой!

Жун Чэньцзюнь расхохотался. Ну что за чудо этот Даньданы, до чего же утомительный кроха!

— Значит, твоя скорлупа служит чем-то вроде пространственного кармана? — отсмеявшись, полюбопытствовал он.

— Вроде того, только туда ничего, кроме протухших яиц, положить нельзя, — немного приуныл малыш.

Жун Чэньцзюнь понимающе кивнул. Оно и к лучшему: будь у этого сорванца полноценное хранилище, он бы наверняка стаскивал туда всё, что плохо лежит.

За непринуждённой беседой время пролетело незаметно, и вскоре они припарковались у рыбного ресторана. От недавней хандры Жун Чэньцзюня не осталось и следа.

Они знатно полакомились дарами моря. Наевшись досыта, довольный малыш с перемазанным жиром ртом радостно порхал вокруг своего покровителя, жужжа точь-в-точь как счастливый шмель.

Когда трапеза подошла к концу, Жун Чэньцзюнь направился к выходу. Пока кассир подсчитывала сумму, из глубины зала, покачиваясь, подошёл ещё один посетитель, тоже желавший расплатиться.

Жун Чэньцзюнь невольно обратил на него внимание: наряд незнакомца наносил жестокий удар по всем канонам эстетики.

Как модельер, он часто оценивал стиль прохожих, но с подобным кошмаром не сталкивался ещё никогда. Любое, даже самое безумное дизайнерское решение меркло перед этим ходячим недоразумением.

Человек этот сиял всеми цветами радуги: огненно-рыжая шевелюра, ядовито-зелёный шарф, канареечно-жёлтая куртка поверх фиолетового свитера, золотые брюки и неоновосиние ботинки. Хуже того, ткань его одеяний странным образом отливала перламутровым неоном.

Жун Чэньцзюнь почувствовал, как у него задергался глаз.

Каким же запредельным самомнением нужно обладать, чтобы выйти в таком виде на улицу?

Судя по царственной походке, парень воображал себя звездой на парижском подиуме. Черты лица у него, к слову, были вполне привлекательными, и не будь этого вырвиглазного прикида, его можно было бы назвать красавцем.

Жун Чэньцзюнь поспешно отвернулся, чувствуя, что если задержит взгляд ещё на секунду, то навсегда разочаруется в индустрии моды.

Павлин развязно приблизился к стойке, небрежно выудил платиновую карту и подмигнул девушке за кассой:

— Красавица, посчитай меня.

Судя по всему, кассирша не разделяла мук Жун Чэньцзюня. Залившись густым румянцем, она с трепетом приняла карту, а затем протянула ему его чек.

Тот не желал оставаться здесь ни секундой дольше. Схватив чек, он развернулся к выходу.

В этот момент цветастый незнакомец вдруг повёл носом и бесцеремонно схватил его за плечо.

— Постой, друг, — вкрадчиво произнёс он, уставившись прямо на карман куртки Жун Чэньцзюня. — Отчего это от тебя так отчётливо несёт демонической ци?

Внутри у Жун Чэньцзюня всё похолодело. Страхнув чужую руку, он незаметно опустил ладонь в карман, прикрывая притихшего Даньдани, и холодно бросил:

— Номеров не даю, соцсетями не пользуюсь.

Отповедь прозвучала как обычный отказ назойливому ухажёру, но Цзи Цзин сразу почувал неладное.

Он безмятежно улыбнулся:

— Мои извинения, обознался.

Не сбавляя бдительности, Жун Чэньцзюнь обошёл его и ровным, размеренным шагом направился к дверям, хотя спина его уже взмокла от холодного пота.

Лишь оказавшись в салоне автомобиля, он позволил себе шумно выдохнуть, завёл мотор и рванул с места.

По пути он то и дело косился в зеркала заднего вида. Не обнаружив слежки, Жун Чэньцзюнь всё равно не успокоился и, прежде чем заехать во двор своего дома, сделал несколько ложных кругов по району. Профессиональная привычка уходить от назойливых папарацци сослужила хорошую службу. Однако тревога не отпускала его, и он до самого последнего момента держал малыша скрытым в кармане.

Он и не подозревал, что в его багажнике уже вовсю обжился незванный пернатый пассажир...

Перешагнув порог квартиры, Жун Чэньцзюнь наконец расстегнул куртку и бережно достал Даньдани.

— Жун-жун, тот дядя был такой страшный! Он тоже монстр, причём очень сильный! — испуганно пропищал кроха, мгновенно взмыв вверх и уцепившись лапками за его шею.

Нервы Жун Чэньцзюня были натянуты как струны, и слова малыша лишь подтвердили худшие опасения. Ещё в ресторане этот странный тип безошибочно указал на ауру монстра. Тогда промелькнула слабая надежда, что парень просто сумасшедший или, на худой конец, какой-нибудь бродячий заклинатель.

Но раз это сильный древний демон, пиши пропало. Вполне вероятно, что он выследил их.

Словно в подтверждение этой мысли, со стороны балкона раздался вальяжный, насмешливый голос:

— А яйцо-то на удивление сообразительное. Надо же, учуяло меня, хотя я так старательно скрывал свою ауру!

Жун Чэньцзюнь мгновенно загородил малыша ладонью и резко развернулся к выходу на балкон. Он весь напрягся, готовый к бою.

Незванный гость озадаченно хмыкнул:

— Ого, да вас тут двое. Как любопытно...

— Кто ты такой и как сюда попал?! — крикнул Жун Чэньцзюнь, стараясь говорить уверенно. — Это частная собственность! Немедленно убирайся, иначе я вызову полицию!

Выкрикивая угрозы, он свободной рукой нащупал в кармане телефон и вслепую нажал кнопку быстрого набора экстренных служб.

Но противник оказался быстрее. Едва Жун Чэньцзюнь коснулся экрана, как его перехватили за запястье.

Цзи Цзин рванулся вперёд смазанной тенью. Он, словно стальными тисками, без труда выдернул руку хозяина дома из кармана, а вторым движением он ловко выхватил мобильный и сбросил вызов.

Жун Чэньцзюнь помрачнел. Поняв, что помощи ждать неоткуда, он резко отбросил Даньдана назад, крикнув на лету:

— Даньдань, беги!

В ту же секунду он сцепился с негодяем, блокируя его руки, и нанёс резкий удар снизу вверх.

Прилети этот пинок точно в цель — и Цзи Цзин остался бы без потомства. Он прищурился. Смекнув, что парень бьёт без жалости, он мгновенно сбросил человеческий облик и принял истинную форму.

Хлопок — и перед Жун Чэньцзюнем возник... петух. Огромный, холёный, с отливающими радугой хвостовыми перьями и нагло вздёрнутым гребнем.

От неожиданности Жун Чэньцзюнь опешил и едва не потерял равновесие. С трудом устояв на ногах, он судорожно огляделся, проверяя, успел ли спастись малыш.

Вокруг было пусто. С облегчением выдохнув, он решил, что кроха послушно спрятался.

Но тут его взгляд наткнулся на медленно материализующееся прямо в воздухе протухшее яйцо.

Жун Чэньцзюнь едва не застонал в голос. Ну какой же глупый малыш! Вместо того чтобы спасти свою шкурку, этот сорванец завис под потолком в режиме невидимости и нацелил на врага проклятие неудачи! Неужели он думает, что траекторию полёта летящего снаряда никто не заметит?

Схватив стоявшую у стены напольную вешалку, Жун Чэньцзюнь с размаху обрушил её на пернатого наглеца, гневно крича:

— Глупое ты яйцо! Я кому велел бежать?!

Петух ловко увернулся от тяжёлой деревянной стойки и истошно закудахтал:

— Эй, полегче! Не надо драться, я пришёл с миром! Прекрати, а то я за себя не отвечаю!

В тот же миг Даньдань обиженно сбросил маскировку и завизжал во всё горло:

— Жун-жун, я не глупый!

В гостиной воцарился полнейший хаос.

<http://bllate.org/book/18224/1749891>